

ПОЛИТИКА

Сельская школа должна воспитывать сельского труженика

Парламентские слушания в Государственной Думе

Сельская школа не часто становится объектом общественного внимания.

Перед началом учебного года в Государственной Думе РФ прошли общественные слушания по теме «Сельская школа как производственно–технический и социокультурный центр». В них приняли участие учителя, учёные, руководители органов управления образованием, общественные деятели, политики.

Председательствовал заместитель председателя Комитета Госдумы по образованию и науке, председатель центрального Совета общественного движения «Образование для всех» Олег Смолин.

Предлагаем краткий репортаж об этом событии.

Своё выступление **Олег Николаевич Смолин** начал с сообщения о новом законодательном акте, касающемся всего населения России:

— Государственная Дума приняла во втором чтении Закон «Об обязательном среднем образовании». Но закон этот практически ничего не говорит о том, какие условия должны создать государство и органы местного самоуправления для того, чтобы дети могли получать полное среднее образование.

Перед слушаниями Комитет Госдумы по образованию и науке запросил информацию в Правительстве Российской Федерации, и выяснилось, что с 2003/04 учебного года в России закрыто 1915 общеобразовательных сельских школ. Это не только вопрос права сельского ребёнка на образование, это вопрос о развитии человеческого капитала России. К сожалению, несмотря на экономический рост, наша страна по уровню человеческого капитала занимает 65-е место в мире. Поэтому проблема, которую мы сегодня обсуждаем, это и вопрос национальной безопасности страны. Уже стало банальностью: когда исчезает сельская школа — исчезает село, когда исчезает село, увеличивается территория без людей. Очень не хотелось бы, чтобы сбывся прогноз Владимира Набокова: «Россия может разделить судьбу Древнего Рима: культура останется, а народ исчезнет».

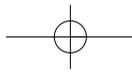
Слово предоставляется **Марине Гурьяновой**, заместителю директора по науке Института социально-педагогических проблем сельской школы Российской академии образования, доктору педагогических наук:

— Наш институт провёл исследование по теме «Перспективы развития сельской школы России». Как известно, с 2001 года началась реструктуризация сельских школ. Что получили школы в итоге? Наше исследование показывает, что часть сельских школ действительно за эти годы совершила прорыв в области инновационных технологий, компьютерного обеспечения, развития здоровьесберегающих способов обучения, активизировала взаимодействие с сельским социумом. В то же время значительная часть школ, особенно малочисленных, все эти годы жила в ожидании закрытия. Исследование (а мы охватили около 600 сельских школ из 28 регионов России) показало, что главная проблема заключается в неопределённости ближайших перспектив сельской школы. Неблагоприятная демографическая ситуация, старение педагогических кадров, переход на подушевое финансирование, ограниченность средств на развитие материальной базы, отсутствие внебюджетных источников финансирования — всё это затрудняет деятельность сельских школ. Сегодня свою деятельность они выстраивают на основе взаимодействия, интеграции с другими структурами. На базе школ функционируют социокультурные, социально-педагогические, социально-оздоровительные, производственно-трудовые центры.

Сельская школа не может оставаться прежней. Сокращение численности школ, реорганизация их сети, объединение — это объективный процесс. Вместе с тем мы твёрдо стояли и всегда будем стоять на такой позиции: форсирование закрытия малочисленных школ губительно для образования. Создание крупных образовательных центров не может быть взято за основу в масштабах страны. Это совершенно неприемлемый вариант для Сибири и Дальнего Востока, где большие расстояния и суровые климатические условия. Это неприемлемо и для многих центральных регионов России в силу бездорожья, транспортных проблем и неоправданных финансовых затрат.

Нужна более активная позиция Министерства науки и Министерства сельского хозяйства в решении проблем сельских школ, в организации трудовой, допрофессиональной и профессиональной подготовки сельских школьников, их профильного обучения.

Сельская школа остаётся базовым звеном формирования интеллектуально-трудового потенциала сельского социума. Однако Федеральная программа развития образования, этот основополагающий документ государст-

венной образовательной политики, к сожалению, не имеет раздела, посвящённого сельской школе.

Председательствующий Олег Смолин предоставляет слово **Алексею Кушнису**, главному редактору журнала «Народное образование»:

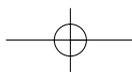
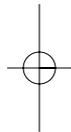
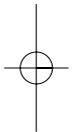
— Для редакции «Народное образование», которая выпускает ещё и журнал «Сельская школа», проблема слушаний является повседневной болью, криком души, предметом постоянного обсуждения и в коллективе, и на страницах журналов. Мы этой темой живём, она для нас жизненно важна.

Наш президент озвучил демографическую проблему как целевую задачу государства на ближайшее десятилетие. Нигде в мире — в развитых странах и в неразвитых — проблемы демографии не были решены только с помощью финансовой поддержки семьи. Во всём мире они решаются преимущественно за счёт села. Никакой другой технологии воспроизводства населения нет в мировой цивилизации. Поэтому первая наиважнейшая специфическая функция сельской школы — воспитать в детях готовность и способность оставаться сельскими жителями со всеми отсюда вытекающими следствиями, в том числе демографическими. Президент поставил задачу, но ни один педагогический НИИ не подумал, как нужно изменить программы, что написать в учебниках, каким образом переделать учебные курсы, чтобы школьник стал мечтать о своей семье, о трёх-четырёх ребятишках, о том, как он поставит их на ноги. Педагогическая наука снова оказывается на задворках актуальной проблематики и политических инициатив.

У сельской школы есть ещё одна специфическая задача. Именно у русской сельской школы. Эта функция не очень актуальна для других государств мира, для многих вообще не актуальна. А для нашей страны наиважнейшая актуальнейшая задача — удерживание огромных территорий. Мы добровольно уходим из огромных пространств Сибири, Дальнего Востока, оголяем эти земли. **В связи с этим уменьшение сети сельских школ под любым благовидным предлогом является подрывным, диверсионным действием, направленным на сворачивание присутствия России, русской цивилизации, русской культуры на этой территории.** Любое подобное действие под предлогом повышения качества образования — преступление против тысячелетней истории России. Альтернативы закрытию школ есть, но они даже не обсуждаются. Причём в финансовом отношении это не затратные альтернативы. Хотя напомним: после войны в стране нашлись деньги расширять сеть сельских школ, а у нас денег почему-то на это нет. Почему — не понятно.

Ещё одна важнейшая функция сельской школы — воспроизводство специфических производительных сил и производственных отношений. Сельское производство вопреки сложившимся стереотипам может быть сверхрентабельным, что позволит молодёжи жить там, где родились, быть успешным. Миллиардные обороты даёт, например, кедровый орех. Это целая индустрия. Раньше мы его не видели, а сегодня он в разнообразных видах продаётся по всей стране, по всему миру.

А сколько саженцев сибирских могло бы идти на мировой рынок! Сколько дикоросов могло бы быть собрано! Но кто развивает эту инфраструктуру? Кто делает сельского школьника сельским жителем, умеющим жить эффективно, богато, работать рентабельно? В одной из деревень Иркутской области меня потрясло отношение учителей к двум подросткам, ко-

торые не смогли закончить школу, перейти в 9-й класс. Учителя считают их идиотами, а у этих «идиотов» — золотые руки, они строят пятистенные здорвенные избы. Им тогда было по 18 лет, но они уже были богатыми людьми. Цель любой школы, а сельской особенно, — учить не только математике, истории и т.д., а учить жизни, воспитывать сельского жителя. Но нашлись «умники» в нашей системе образования и в педагогической науке, которые достаточно давно сделали сельскую школу городской. И она работает исключительно «на внутренний экспорт», на выталкивание ребёнка из сельского социума. Может, пора уже сказать нашим этим деятелям: «Хватит оголять деревню натаскиванием сельского ребёнка на всякие умозрительные, исследовательские и прочие «проекты», которые в этом социуме ребёнок никогда не сможет осуществить в том виде, как ему предлагают в школе». А вот жизненных сюжетов на реальные сельские темы детям села почему-то программа не предлагает.

Методологически, на уровне идеологии и экономики сельская школа свою задачу сегодня не выполняет. Недавно на слушаниях в Общественной палате по проблемам информатизации было озвучено: 100 миллиардов потрачено, а в стране нет национальной программы информатизации образования. На реструктуризацию сети сельских школ тоже потрачено немало. Вы знаете, с каким удовольствием мы тратим деньги на школьные автобусы, бегающие по российскому бездорожью. Покажите хотя бы один пример, когда использование этих средств позволило сохранить школу, расширить сеть сельских школ, повысить в них качество обучения. Такие примеры есть, но школам этим не очень-то дают возможность показать себя. То, что происходит с сельской школой, — это откровенное сворачивание нашего присутствия на своей земле, нашей цивилизации на наших территориях. Кто-то эту работу очень активно лоббирует, и очень хотелось бы назвать этих «авторов» и пригласить их «на сцену»...

Голос из зала: «А может, это просто управленческая дурь?»

— Может быть. Дурь каждого должна быть видна. Но вы посмотрите, насколько трудно добраться хотя бы до одного Минобразовского документа под названием «НИРовский отчёт». У нас тратятся огромные деньги на различные исследования. Но результаты этих исследований никому из работников образования не доступны. И неизвестны...

Образовательная политика на селе носит сегодня пораженческий характер. И никакой Интернет, никакая компьютеризация сельских школ не сделают сельского ребёнка сельским жителем. Последние 15 лет активно разрабатывалась идея школы как социокультурного центра села. Это от безысходности, потому что в селе уже все другие инфраструктуры развалены. Но это был важный этап, который позволил увидеть школу в межведомственном пространстве. Закономерно, что эта концептуальная разработка не защитила сельскую школу от дальнейшего уничтожения. Вдумайтесь в ситуацию: деревенский житель не может себя прокормить. Это не вопрос деградации производительных сил или технологий, это вопрос деградации культурно-ценностной составляющей ментальности сельского населения: люди утрачивают связь с истоками и фундаментами сельской жизни. Постоянно выталкивая лучших выпускников из села, понятно, какое качество человеческого капитала мы там оставляем. Остановить эту пагубную тенденцию можно только одним способом: **школа должна вооружать детей**

способами производственной деятельности в новых условиях, стремлением к жизни самого высокого уровня. Выпускник сельской школы однозначно должен знать, что если он останется на селе, то через 7–8 лет станет рублёвым миллионером, а через 15 — и долларовым. Это нормально, достижимо для трудолюбивого человека, живущего на земле. В наших конкурсах имени А.С. Макаренко (а их проведено уже пять) участвуют школы, воспитывающие успешную молодёжь. В рамках Макаренковских чтений идёт интенсивный обмен мнениями и технологиями производственной жизни на селе.

Как показал опыт школ-участников конкурса, сельская школа с контингентом в 45–50 ребятишек — малокомплектная школа — способна зарабатывать достаточно, чтобы компенсировать недостаток бюджетного финансирования, который возникает из-за того, что на одного ребёнка нельзя дать больше определённой суммы. Но наши реструктуризаторы умудряются закрывать и такие школы. Школа-хозяйство, воспитывающая трудолюбивого человека и хозяина, как альтернатива «школе ума», воспитывающей хорошо говорящих бездельников, не рассматривается. А ведь школы, которые сегодня зарабатывают деньги, делают это не ради заработка, а ради подлинного воспитания. **Без повседневной занятости делом воспитать «привычку к труду благородную» нельзя.** Привычка делать уроки не вырабатывает потребности и способности трудиться. В психологии нет данных о том, что привычка учиться автоматически перерастает в привычку трудиться. Привычки вырабатываются делом, а не разговорами о деле. Только повседневный труд, причём образцовый, воспитывает дельного человека, ставит его на ноги. Образцовый труд! В сельской школе, в первую очередь, нужна инфраструктура и организация образцового труда. Представьте: школа — малый технопарк, в котором действует производство на основе высокоэффективных, рентабельных технологий. На Международном конкурсе им. А.С. Макаренко с помощью первоклассных специалистов мы вооружаем школы такими технологиями: килограмм картофеля — 3 рубля оптом, а семенного — 35–40 рублей за килограмм, школы переходят на выращивание семян, на «тонкую» агротехнику. Ковровский предприниматель Сергей Степанович Конин бесплатно знакомит всех желающих с вермитехнологией, дающей до 600% рентабельности. Плюс увеличение урожайности в результате применения гумуса, полученного с помощью дождевых червей. Технологии, способные создать на селе индустриальную среду принципиально нового типа, нового поколения, известны, используются. Но наша система образования даже и не ставит вопрос о том, что на основе этих технологий надо воспитывать трудоспособных людей, что в школе должна быть инфраструктура образцового труда.

В среднем миллион рублей стоит реструктуризация одной школы — автобус купить, дороги отремонтировать и так далее. Если на этот миллион купить итальянский станок, который из местного сырья произведёт тысячу другую тонн продукции, нужной людям, школа заработает миллион или десять в квартал. Таких денег хватит, чтобы удовлетворить все насущные желания. Никакой президентский грант тогда не нужен. На школу с тысячей детей дают миллион рублей и считают, что её осчастливили! Да это позор! На нашу голову это позор, и не надо этим хвалиться. Этих денег не хватит на то, чтобы крышу перекрыть... Сельские малокомплектные школы надо укреплять. Средства на это есть. Если кто-то не знает, как это сделать, приез-

жайте на очередной конкурс, мы научим и покажем. Покажем с помощью тех директоров школ, кто это успешно делает.

А вот те, у кого нет иных решений, кроме как закрывать школы, имеют ли они право управлять отраслью? Ведь их решения ведут к деградации не только школы, села, но и русской цивилизации с её многоукладностью, многокультурностью, вековыми традициями плодотворного труда на земле...

Слово предоставляется профессору Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, лидеру движения «Альтернатива», заместителю председателя движения «Образование для всех» **Александр Бузгалину**.

— Давайте постараемся как эксперты, как специалисты от практики и от науки понять: чего мы хотим от развития села и сельской школы? В зависимости от ответа на вопрос о целях мы получим и средства. Ответ первый: мы хотим обеспечить поставку в город дешёвой низкоквалифицированной рабочей силы. Это оставит в деревне ещё меньше людей, а в городе будут работать приехавшие из российской «глубинки» дворники, слесари, сантехники, домработницы, прислуга и так далее. Политика, которая проводится сегодня, реализует именно эту задачу.

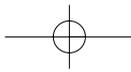
Второй вариант ответа — почвеннический, патриотический, государственный. **Мы хотим сохранить сельскую школу и село для того, чтобы сохранить традиционный образ жизни, чтобы сохранить российские территории и людей, на них проживающих.**

Третья постановка вопроса: **мы хотим сохранить сельскую школу и село, чтобы создать постиндустриальную деревню.** Современная наука считает, что будущее принадлежит сельской жизни, в которой утвердятся высокие технологии, каждая семья сможет производить продукции столько же, сколько производит семья в Голландии, где 3–4% населения кормят всю страну, да ещё и экспортируют продукты питания, сырьё для лёгкой промышленности и так далее.

Остальные могут и будут жить на селе. Но не для того, чтобы вручную выращивать картофель, это издевательство над людьми, ещё худшее, чем делать из сельских жителей дворников в городе. Они должны быть специалистами высокого класса, выращивать элитные семена или разводить особый тип скота, который ценится как «ноу-хау». Высокопородный скот — такая же ценность, как программное обеспечение. Производитель такого скота — то же самое, что разработчик программного продукта. Кстати, и то, и другое можно делать в любой деревне — в сибирской, индийской, так же, как в Москве или в Нью-Йорке. И возникает совершенно другая постановка вопроса: нам нужно сохранить село и сельскую школу, чтобы там воспитывались люди, достойные XXI века. Для этого есть ресурсы. Важно, чтобы человек хотел и был способен заниматься разным трудом — творческим, сельскохозяйственным, интеллектуальным. Тогда в деревне ему будет интересно трудиться и жить.

Слово предоставляется **Якову Турбовскому**, доктору педагогических наук, председателю Совета директоров общеобразовательных школ России, члену Центрального совета движения «Образование для всех»:

— На наших слушаниях присутствует немного людей, и это свидетельствует

о том, что проблема сельской школы вытеснена на периферию общественного сознания. Мы обсуждаем, по существу, две проблемы: судьбу сельской школы и роль производительного труда. Сегодня нужна государственная программа поддержки сельской школы, гарантирующая ей равноправное положение в обществе. А что происходит сейчас в сельской школе? Результаты исследований состояния чтения в сельских школах свидетельствует: в сравнении с городскими сельские дети в три раза хуже читают, слабее учатся. Если в этих условиях мы ещё предложим детям дополнительный труд, то отбросим то, ради чего существует школа. Директора школ, участники конкурса им. Макаренко говорили о том, что это идёт в ущерб образованию. Учебная деятельность сама по себе тяжелейший труд, и это надо понимать.

Сейчас кому-то удаётся стать успешным, кому-то нет. Там, где появляется миллионер, на него будут работать много «немиллионеров». Другого пути наживания миллионов в сельской ли, в городской местности не существует. И мы очень скоро столкнёмся с тем, что начнётся борьба против эксплуатации человека человеком. Уже сейчас у многих рабочих ненормированный рабочий день, и нет законодательных ограничений по этому поводу.

Противопоставлять учебный труд физическому, производительному труду не имеет смысла. А вот найти место производственного труда в содержании образования — это разумно. Считаю, что министерство не имеет права проводить эксперименты, их должна осуществлять наука.

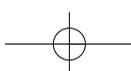
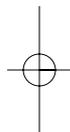
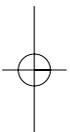
Нам нужны рабочие руки, но в любом деле люди должны видеть не ограничения своих социальных возможностей, а свою творческую реализацию. Никто не сказал, что токарь, слесарь, механизатор по своему уровню, по своей самореализации ниже, чем любой научный сотрудник. **Надо предоставить сельской школе гарантированное государственное обеспечение и возможность воспитывать трудового человека.**

Проректор Института повышения квалификации работников образования Курганской области **Нина Криволапова** продолжила тему:

— В нашей области сельские школы составляют 84%. Разработаны и реализуются два проекта — региональный подход к организации профильного обучения и проект «Профессиональное самоопределение». Производительный труд организуем не только для улучшения финансирования школ, но и для ориентации учащихся на работу в своём селе.

Чтобы реализовать эти задачи, мы пошли по пути интегрирования ресурсов. Привлекли учреждения профессионального образования. У нас 56% профучилищ — сельские. Привлекли также учреждения среднего и высшего профессионального образования, работодателей, частных предпринимателей бизнес-сообщества, создали научно-образовательные центры, где кооперируются ресурсы школы, сельскохозяйственных профучилищ, учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования. Думаем, что всё это поможет селу лучше жить, а сельхозпроизводству стать прибыльным, рентабельным. Создали для этого учебные фирмы с помощью различных предприятий. Активно приживаются у нас учебно-технологические объединения, интегрирующие ресурсы начального и среднего профессионального образования, работодателей.

Сегодня в области, примерно, 55% сельских школьников совместно с городскими участвуют в производительном труде, но не только для того,

чтобы заработать деньги, а для допрофессиональной и профессиональной подготовки, с целью выбрать будущую профессию. Работодатели помогают нам в этом, так как видят в школьниках свои завтрашние кадры.

Пытаемся максимально сохранить сельские школы, хотя процесс реструктуризации идёт. Идёт, может быть, медленнее, чем где-либо, но и у нас процент сельских школ уменьшился с 85,7 до 84. Есть школы, которые по объективным причинам закрываются. Но там, где есть возможность сохранить школу, мы организуем в ней профильное обучение на основе индивидуальных учебных планов, индивидуальных образовательных программ, вводим очно-заочные дистанционные формы обучения. Конечно, всё это должно иметь надёжную государственную поддержку.

В Арзамасском пединституте им. А.П.Гайдара двадцать лет действует лаборатория дидактики сельской школы. Её профессор, доктор педагогических наук **Михаил Зайкин** берёт слово:

— Я не считаю, что всё так уж плохо в сельской школе. В Арзамасском районе я не знаю ни одной сельской школы, которая плохо бы учила и воспитывала детей. Но проблем, конечно, много.

Меняется сегодня социум, и школа меняется. Не стало больших колхозов и совхозов, и школа стала маленькой — малочисленной. Но она продолжает выполнять свои функции.

В нашей лаборатории реализован такой вариант профилизации — углублённое изучение предметов на основе внутриклассной дифференциации. Мы получили диплом Министерства образования и науки за этот проект. Несколько малочисленных школ работают по нашей технологии.

Мы сегодня много говорим о преимуществах образования с помощью школьного автобуса. Но ведь при этом реализуется только одна функция — обучение. О воспитании при приезде-отъезде в школу и из школы говорить не приходится. Да и опасно это: мы знаем, какие в России дороги и какая культура вождения на этих дорогах...

Сергей Комков, президент Всероссийского фонда образования, академик Российской академии естественных наук:

— Мы обсуждаем формы деятельности сельской школы. А проблема совершенно в другом. Сегодня основной вопрос — **государственное отношение к сельской школе**. На вооружение взята опасная доктрина в отношении сельской школы, которая приведёт фактически к крушению государства. Реструктуризация сельской школы как один из аспектов модернизации российского образования — не просто научная ошибка или чей-то управленческий просчёт. Это звено целостного плана по уничтожению государства. Не вдаваясь в политические нюансы, мы тем не менее не должны забывать о том, что в России уже не первый год осуществляется большой и очень серьёзный проект, который называется «Русским проектом». Он утверждён в 1987 году Конгрессом США, на него ещё в те годы выделено 350 миллионов долларов, финансирование постоянно пополнялось. Одна из важнейших составных частей этого проекта — реформирование различных звеньев социальной жизни нашего государства. В том числе — реформирование системы образования. Всё, что сделано за последние 15 лет в рамках его модернизации, практически работает на развал российской системы образования, на развал социальной сферы

государства, что приведёт к его уничтожению. Далеко за примерами ходить не надо. Мы прекрасно понимаем, какие мировые процессы сегодня происходят. При глобальном потеплении происходят мощные климатические изменения на земном шаре, огромные территории попадают в зону риска — станут зоной будущего затопления, засухи и так далее. В первую очередь этому будут подвергнуты территории Западной Европы. В эту зону попадают и Соединённые Штаты Америки. Территория нашего государства через некоторое время станет климатически самой благоприятной на земном шаре. Поэтому задача, которую ставят сегодня «наши друзья», очень проста: освободить эти территории от лишнего населения, подготовить к будущему переселению сюда новых людей и сделать так, чтобы практически не было никаких помех для реализации этого плана. Вот в рамках этой цели и надо рассматривать реструктуризацию сельской школы, которая означает уничтожение села. Там, где погибает школа (а мы с вами видим, что это происходит со скоростью 600 с лишним школ в год), следует уничтожение сельского поселения. Идёт убыстряющийся с каждым годом процесс высвобождения наших территорий. И какие бы мы ни делали ссылки на демографические проблемы, это не более чем формальные ссылки. Поэтому, как ни грустно это признать, практически осуществляется широкомасштабная программа российского геноцида.

Не случайно и то, что сельская школа переходит на новый принцип финансирования — принцип, который фактически приведёт её к полному и окончательному уничтожению. Нормативно-подушевое финансирование означает, что через некоторое время не 600, а 1600 школ в год будут закрываться. На те мизерные деньги, которые будет выделять государство, и не напрямую, а через муниципальные органы власти, школа не проживёт, останется без средств к существованию и будет обречена на гибель.

Необходимо развеять ряд опасных мифов. Один из них — миф о том, что Единый государственный экзамен позволит детям из отдалённых сёл, из отдалённых краёв и областей поступать в самые престижные российские вузы в Москве и Санкт-Петербурге. Это совершенно не соответствует действительности. Если сельские дети будут обучаться в школах, где нет мебели, нет учителей, не созданы элементарные условия, никакой ЕГЭ им не поможет. Создание нормальных условий для существования школы — единственная возможность преодолеть существующие проблемы.

Владимир Орлов, старший научный сотрудник Института социально-педагогических проблем сельской школы РАО:

— Сорок лет я связан с сельской школой, она моя боль. Я участвовал в комиссии по подготовке проекта о реструктуризации и был противником этого проекта. Но он принят. По закону без решения сельского схода школу нельзя закрыть. На деле два схода решают оставить школу, а её закрывают. Мы предлагали финансировать зарплату по классам, остальное — по нормативам, село очень отличается от города. Но предложение это Министерство образования и науки не приняло. В Министерстве финансов сказали: на это нужны средства.

В Коломенском районе посчитали, во что обходится школьный автобус. Оказывается, что легче школу содержать, чем этот автобус. Несколько лет шла реструктуризация. Но кто подвёл её итоги? Какой экономический и педагогический эффект она дала? Сельской школе и детям села — ровно ничего.

Необходимо вводить коэффициенты в зависимости от характера школ, 80% основных школ у нас закроется, потому что в них наполняемость классов 12 человек.

А модернизация образования? Хвалимся — Интернет у нас везде! Мы в институте исследование провели и выявили: 20% школ компьютер не изучают — нет преподавателя. В 50% школ преподают учителя, которые чуть-чуть знают компьютер. Я уже не говорю о программном обеспечении — сельского директора судили за использование нелегальных программ. Кто этим должен заниматься?

Сельской школе нужна особая программа, особый учебник, которые учили бы любить землю, природу. И жить детям надо в своём селе, а не кататься по 40 минут, а то и по часу в школу и столько же из школы.

С.М. Комков, председательствующий в этот период слушаний, кратко комментирует выступление В.Орлова:

— Вся программа «Школьный автобус» списана из американской программы. В США ездили специалисты Министерства образования и науки на стажировку. Они изучали эту программу и попытались перенести с благоустроенной американской территории, где прекрасные дороги, на нашу почву, не понимая, чем это всё кончится.

Директор Андрейковской средней школы Вяземского района Смоленской области, заслуженный учитель России **Тамара Якушева** подняла вопрос о том, что сельских детей надо учить возрождать те традиции, которые бытовали на селе веками — валять валенки, стричь овец, бить шерсть... Но педагогам не дали этого делать: нельзя такую работу детям выполнять.

— Труд детей осложняется тем, что нас душат налогами. Остался для труда только пришкольный участок. У нас образцовый участок, мы на нём выращиваем столько овощей, что их хватает школьной столовой до нового урожая.

Сегодня школа перешла на подушевое финансирование. Теперь нет школы полного дня, да и дошкольных групп не будет, потому что работу с дошкольниками не финансируют. И очно-заочной школы у нас не будет... А ведь мы уже вышли на дистанционное обучение, учителя разработали методические рекомендации, мы с детьми из соседних сельских школ общались. В учебном году мы этого всего лишимся...

Валерия Шварц, директор православной гимназии «Рождество» Истринского района Подмосковья считает, что главное сегодня и в городской, и в сельской школе — воспитание детей. Но, по исследованию учёных, только 3% директоров сельских школ считают себя по преимуществу воспитателями.

— Среди огромного количества сельских школ сегодня существуют школы конфессиональные, в частности православные. Православной общеобразовательной школе в России уже 15 лет. Своей главной задачей она ставит духовно-нравственное воспитание. Этим школ немного. На всём огромном пространстве сельского образования России их всего 150 и учеников в них всего около 10 тысяч. Задачи, которые решают православные школы, — государственной важности. До 50% семей, дети которых обучаются в православных школах, — это многодетные семьи. Вот вам один из путей решения демографической ситуации.

В заключение слушаний председательствующий предоставляет слово для короткого заключения **Алексее Кушнису**:

— Здесь прозвучала тревога по поводу того, что труд мешает учёбе, что мы противопоставляем эти виды деятельности. Никакого противопоставления, никакого вреда учебному процессу в призыве к производственной занятости детей нет и не может быть. У Макаренко труд организованно осуществлялся взрослыми, дети туда втягивались педагогически аранжированно. Нам необходима производственная занятость детей, чтобы не болтались, чтобы руками прирастали к делу и чтобы верили, что жизнь может быть прекрасна там, где ты родился.

Хватит нам плодить людей-«перекати поле». Сегодня сплошь и рядом сельские дети говорят: «Мы здесь жить не будем никогда». Таких — 80 процентов. У них нет выбора остаться в селе, их не вооружили способами жизни в селе.

В нашем итоговом документе надо отразить требование — создать условия для реальной школьной хозяйственной автономии, обеспечить школу государственным заказом на продукцию, то есть гарантировать выкуп продукции, какую бы школа ни произвела, если продукция соответствует кондиции. Больше ничего не надо — никакого словоблудия. Надо всего лишь один вопрос решить законодательно: хватит школу и директора держать на коротком поводке, когда он ходит и выпрашивает копейку, всего боится, особенно заработать собственными руками миллион.

Сельская школа должна быть сегодня в первую очередь технопарком, который создаёт образцы высокотехнологичного, сверхрентабельного труда. И государственная политика в области сельской школы — обеспечить в ней инфраструктуру высокопроизводительного труда. Вот ключевое решение.

Завершил парламентские чтения **Олег Смолин**:

— Абсолютно правы те, кто говорит, что сельского ребёнка нужно учить труду на земле и любви к сельскому образу жизни. Почвенники в этом смысле абсолютно правы, но и критики отчасти тоже правы. Нельзя ограничивать возможности сельского ребёнка стремиться к чему-то. Позвольте из личного опыта. Я сельский ребёнок по рождению. Когда мои родители собрались переезжать в город, я возражал, не хотел покидать один из первых садов в Северном Казахстане, которые развёл мой отец, учитель математики и директор школы. Теперь я понимаю, что они правильное решение принимали по одной простой причине: возможности незрячего парня в селе были бы совсем другими, чем в городе.

Здесь спорили: что главное: образование или производительный труд? Конечно, образование. Но и Макаренко, и многие специалисты абсолютно правы: без производительного труда нет разносторонней личности, а в селе тем более. Шёл спор и о том, что приоритетно — государственное финансирование или собственные заработанные деньги. Конечно, государственное финансирование. Мы не можем превращать школу только в самофинансируемую организацию. Но самое печальное, что государство мешает тем, кто хочет зарабатывать вопреки безобразиям государственного финансирования.

Да, школу держат сегодня «на коротком поводке». Но дело в том, что и этот поводок сокращается. А удавка увеличивается, потому что закон об автономном учреждении в совокупности с поправками в Бюджетный кодекс

означает следующее: или вам дают жалкие гарантии жалкого финансирования, или вам дают экономическую свободу, но при этом лишают гарантий. Надо принимать закон об автономии всех образовательных учреждений, что особенно важно для сельской школы.

Национальный проект «Образование» в 2008–2009 гг. свёртывается наполовину, а с 2010 г. почти целиком. То есть практически всё пытаются сбросить с федерального уровня финансирования на регионы и местное самоуправление. Сообщаю вам для справки, что за это время Стабилизационный, а теперь Резервный фонд вырастет примерно с 3 триллионов рублей до 4,5. Радуйтесь. Кому только от этого стало легче?

Что касается реструктуризации.

Считаю, что закрытие сельской школы в большинстве случаев — это моральное преступление. И сейчас мы можем говорить только о двух сценариях. Первый — повторение истории дошкольных образовательных учреждений: сейчас позакрываем, потом начнём снова открывать с гораздо большими издержками.

А худший сценарий — исчезновение массы сельских школ с прогнозом Набокова: «Культура останется, а народ исчезнет». Мы очень любим ссылаться на американский опыт! Но в Америке развивается американская однокомнатная школа, а во всей Европе действует принцип: малое — прекрасно.

Проблема села — это и проблема удержания территорий. И даже понятно, от кого. В своё время в «Парламентском часе» я сказал, что если не изменим политику, то через какое-то время Сибирь заговорит по-китайски, а Европа по-турецки. Я уважаю все народы, но не хочу, чтобы Россия превратилась в часть какого-то другого государства.

Подушевое финансирование для сельской школы, если оно будет внедряться, — смерти подобно. Поэтому считаю, что мы должны внятно предложить другую схему, другие нормативы финансирования для сельской школы, восстановление в полном объёме налоговых льгот для всех образовательных учреждений, изменение в Бюджетный кодекс, и конечно, закон о резком повышении статуса педагогов — приравнять педагогов по условиям труда, социальным гарантиям и материальному обеспечению к государственным служащим. Труд педагога не менее важен, чем труд государственного чиновника.

Хочу поблагодарить всех участников слушаний — сельских педагогов, директоров школ за то, что они выполняют свой долг и самоотверженно несут свой крест.

**Материалы парламентских слушаний
подготовила к печати Нина Целищева**